

© 1993 г. ТАРАСОВА И.П.

СТРУКТУРА ЛИЧНОСТИ КОММУНИКАНТА И РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ

Исследование речевого воздействия может вестись и, как известно, ведется с позиций различных отраслей знания¹, являясь одной из задач изучения в рамках прагмалингвистики [10], поскольку она занимается, в частности, перлокутивным эффектом речи и перлокутивными актами. Перлокутивный акт может быть определен как "... то воздействие, которое данное высказывание оказывает на адресата. При этом имеется в виду не сам факт понимания адресатом смысла высказывания, а те изменения в состоянии или поведении адресата, которые являются результатом этого понимания" [11, с. 336].

В настоящее время положения прагмалингвистики могут быть дополнены анализом смысла коммуникативной единицы с позиций лингвистики общения [12]. Эта отрасль коммуникативной лингвистики призвана исследовать смысл лингвистической единицы в соотношении с факторами общения, и в частности с личностью коммуниканта.

При рассмотрении в рамках анализа смысла предложения-высказывания коммуникант предстает как одновременно целостная личность и совокупность ряда ипостасей. Лингвистика общения, учитывая разнообразие факторы общения, вычленяет в структуре личности коммуниканта Я телесное (физическое), Я социальное, Я интеллектуальное, Я психологическое (эмоциональное) и Я речемыслительное. Ипостаси Я имеют различные формы манифестации. Так, Я психологическое может проявляться в психологических ролях в качестве Родителя, Ребенка или Взрослого, которые исследуются в рамках трансактного анализа [13].

Смысл предложения-высказывания, функционирующего в составе процесса общения, отражает особенности речевого поведения коммуникантов, реализуемые ими стратегии и тактики, которые охватывают и общее построение диалога, и социальные и психологические роли коммуникантов, и ипостаси их Я, ядерирующие на данном этапе коммуникативного процесса. Исследование коммуникативных стратегий и тактик позволяет, с одной стороны, формулировать и уточнять ролевые предписания речевого поведения носителей языка (а они еще не изучены и не описаны во всей полноте), а с другой – углублять описание смысла предложения-высказывания.

Среди смыслов, передаваемых предложением-высказыванием, должны быть выделены пресуппозиция и импликация, однако использование этих понятий в "чистом" виде при лингвистическом анализе обширного языкового материала осложняется рядом причин, которые должны быть рассмотрены отдельно, поскольку они не нашли отражения в нашей статье, предшествующей данной работе [14].

¹Таких как психология [1], социология и социопсихология [2], психоанализ и психотерапия [3], журналистика [4], реклама [5], лингводидактика [6], культура речи [7], стилистика [8], риторика [9]. Порядок перечисления не связан ни со значимостью отдельных дисциплин, ни со временем их появления или с историей развития. Следует также оговорить, что рамки статьи не позволяют привести отсылки в более полном виде.

Следует подчеркнуть, что в настоящее время нет единого мнения по вопросу о том, что есть пресуппозиция. Так, Дж. Кац указывает на два приемлемых для науки о языке подхода к толкованию данного понятия: 1) пресуппозиция – это то условие, удовлетворяя которому предложение, выражающее утвердительную пропозицию, может использоваться (при обычных обстоятельствах) для утверждения истины или лжи; 2) пресуппозицией предложения является другое предложение, которое логически следует из этого предложения как в его положительной, так и отрицательной форме [15]. Однако эти подходы нельзя считать правомерными. Как показывает Кац, первый подход не применим при анализе неассертивных пропозиций (*Who ate the cookies? Find the ring before eating any more cookies*). Второй является уязвимым, поскольку свойство быть логически имплицируемым утвердительным предложением и его отрицательной формой не является для пресуппозиции ни необходимым, ни достаточным условием. Например, предложение *Who did not eat the cookies?*, которое является отрицанием предложения *Who ate the cookies?*, не имеет в качестве пресуппозиции предложение *Someone ate the cookies*. Его пресуппозиция – это *Someone did not eat the cookies* [15, с. 258].

Помимо прочего Дж. Кац доказывает, что рассматриваемый второй подход к толкованию понятия пресуппозиции подразумевает невозможность для пресуппозиции быть ложной. "Предположим, что пресуппозиция предложения S является ложной". Согласно же правилу, "пресуппозиция S' подразумевается как самим S, так и -S. Но поскольку любое предложение, которое подразумевает нечто ложное, само является ложным, постольку как S, так и -S являются ложными. В то же время S и -S не могут быть ложными одновременно, так как -S является отрицанием S, и вследствие этого пресуппозиция S' не может быть ложной. Таким образом, пресуппозиция не может быть ложной" [15, с. 259–260].

Высказанные Дж. Кацем положения как нельзя лучше подкрепляют тенденцию в языковедческой литературе (имеющей дело с необозримым морем вариативных фактов, а не с отдельными кристально четкими примерами) выйти за рамки собственно логической природы пресуппозиции и как следствие этого расширить применимость понятия пресуппозиции при анализе языкового материала. В частности, в "Грамматике современного английского языка" Р. Кверка, С. Гринбаума, Дж. Лича и Я. Свартвика отмечается, что всякий wh-question может быть соотнесен с утверждением, которое является его пресуппозицией. Например, *Who ever opened my letter?* "Да кто же это вскрыл мое письмо?"; *Someone opened my letter* "Кто-то вскрыл мое письмо" [16, с. 395–397].

Пресуппозиции, опирающиеся на понятие истинности, в строгом смысле этого слова, не должны выделяться в вопросительных предложениях-высказываниях, поскольку последние не могут быть истинными или ложными. Однако образец даваемого в приведенном примере анализа смысла безусловно интересен и полезен, особенно в учебных целях. Было бы неверным отрицать возможность выделения пресуппозиции вопросительного предложения-высказывания в том случае, когда речь идет о его лингвистическом, а не о строгом логическом анализе.

Можно также сослаться на статью Т.Ф. ван Дейка "Вопросы прагматики текста" [17], в которой понятие пресуппозиции (имеющей как бы более свободный вид по сравнению со строгими логическими построениями и дефинициями) связывается с понятием референции и через него включается в сферу изучения культурного фона языковых явлений. Будучи частью акта референции, той его частью, в которой происходит отсылка к фактам, пресуппозиция оказывается взаимосвязанной со знанием коммуникантами окружающего мира.

Можно заключить, что снимая жесткую логическую определенность понятия пресуппозиции, исследователь расширяет границы его применения при анализе языкового материала и может включить в работу также материал речевой. В

свою очередь, это делает правомерным использование понятий, хотя и связанных с термином "пресуппозиция", но имеющих более широкое и свободное содержание – "исходная мысль", или "исходный смысл". Наряду с этими используются и понятия "вытекающей мысли", или "смысла-следствия", связанные с термином "импликация".

Итак, утверждая нечто, задавая вопрос, отдавая распоряжение, совершая какой-либо другой локутивный акт, адресант исходит из некоторых предположений, представлений, знаний, размышлений, которые могут быть правильными или неправильными (истинными или ложными) или которые он считает правильными или неправильными. Эти предположения, мысли и могут быть охарактеризованы как исходные смыслы. Являясь отправным пунктом формулирования в предложении-высказывании (дискурсе, тексте) некоторой мысли, исходный смысл существенным образом влияет на их построение.

Смысл-следствие непосредственно "вытекает" из эксплицируемой части предложения-высказывания. Возможность имплицитной передачи смыслов-следствий дает коммуникантам богатую возможность избежать их прямого формулирования, и это является важным фактором построения коммуникативных единиц различных уровней.

Так, предложение-высказывание *It is going to rain today, according to the forecast* "По прогнозу сегодня будет дождь" имеет в качестве одного из своих исходных смыслов следующую мысль:

– Когда человек попадает под дождь, это может оказать неблагоприятное воздействие на его физическое Я. Зная это (это знает мое интеллектуальное Я), исходя из твоих, адресат, интересов (это делает мое социальное Я) и проявляя о тебе заботу (это делает мой психологический Родитель), я сообщаю тебе (это делает мое речемыслительное Я): По прогнозу сегодня будет дождь²:

Рассматриваемое сообщение несет некоторый набор фоновых смыслов, отражающих быт народа – носителя языка в данной местности. Предположим, что этот набор смыслов можно описать так:

– Для того чтобы предохранить себя от неблагоприятных последствий дождя, человек использует зонт, плащ, галоши либо банановый лист / заклинания.

На основании вышесказанного можно заключить, что в ситуациях некоторого рода сообщение "По прогнозу сегодня будет дождь" является косвенным речевым актом и может передавать иллюкутивную силу:

– Адресат (человек физический), возьми зонт и надень плащ.

Эта иллюкутивная сила оборачивается для адресата определенным смыслом-следствием, который не обязательно совпадает с самой иллюкутивной силой по составу своих компонентов. В рассматриваемом случае смысл-следствие может иметь вид:

– Мне нужно взять зонт и надеть галоши.

Не вдаваясь в дальнейшие детали, отметим, что исходные смыслы и смыслы-следствия, передаваемые предложением-высказыванием, связаны с ролями коммуникантов и с ипостасями их Я, а это является одним из оснований для использования их в целях оказания речевого воздействия.

Рассмотрим некоторые примеры того, как аппарат исследования, включающий понятия множественности личности коммуниканта, стратегии и тактики речевого общения, роли (психологической и социальной), исходного смысла (и смысла-следствия), используется при анализе речевого материала.

Первый пример – это отрывок из книги Дж. Виндхэма "День триффид" (J. Wyndham, *The day of the triffids*). Герой повествования лежит в больнице, у него забинтованы глаза. В это время в небесах совершается необычайный по

²За недостатком места толкования смыслов приводятся только на русском языке, истолкования же на языке английском здесь опускаются.

красоте и силе фейерверк. Герой слушает репортаж по радио. Входит медсестра и начинает рассказывать о фейерверке, хотя, конечно, она не может не понимать, что пациент не расположен к общению: он угнетен и подавлен.

Она говорит:

– The sky's simply full of shooting stars. All bright green. They make people's faces look frightfully ghastly.

Повсюду в небе метеоры. Все ярко-зеленые. В их свете лица людей выглядят как призраки.

Интеллектуальное Я медсестры здраво оценивает ситуацию и осознает, что пациент все это и так уже услышал по радио. Но заботливая женщина дает волю своему речемыслительному Я, которое, с согласия, конечно же, ее Я социального, устанавливает дружелюбный контакт с временно незрячим и подавленным человеком. Кроме того, поскольку физическое Я пациента лишено зрения, он, предположительно, нуждается в любых дополнительных источниках информации, которые бы компенсировали этот дефект, поэтому дублирование информации в речи медсестры должно способствовать созданию у пациента чувства уверенности в себе.

Первый ответ, который медсестра "извлекает" из пациента, – это выражение согласия:

– It's such a pity you can't see it, isn't it?

– It is, – I agreed somewhat shortly.

– Такая жалость, что вы не можете все это наблюдать, правда?

– Да действительно, – ответил я довольно односложно.

Медсестра добилась того, что ее монолог преобразовался в диалог. Далее пациент, будучи воспитанным человеком, вынужден поддерживать "беседу". Впрочем, беседы как таковой нет – говорит одна медсестра, а пациент изредка, из вежливости, произносит что-либо для поддержания разговора (можно сказать, что социальное Я пациента как бы через силу понуждает речемыслительное Я взаимодействовать с речемыслительным Я медсестры и таким образом реализовать этикетную функцию речи, хотя и в минимальном объеме). В конце концов пациент предлагает медсестре удалиться:

– What a pity you couldn't see it.

– Isn't it? – I agreed. – Now do go away, there's a good girl.

– Какая жалость, что вы не могли этого видеть.

– Действительно, – согласился я. – А теперь бегите по своим делам, будьте умницей.

Последняя ремарка сделана отнюдь не с позиций психологического Больного, которому отводится роль послушного Ребенка при всемогущих и мудрых Родителях – медицинских работников. В ней пациент разговаривает с медсестрой не просто как равный с равным, но как снисходительный Взрослый, отдающий команды младшему. Итак, адресат поднялся над приличествующей ему ролью послушного Страдальца и вышел из состояния подавленной угнетенности. Этого не произошло бы, если бы сестра всю сцену молчала, а тем более, если бы она была демонстративно раздражена. Таким образом, можно говорить о том, что в рассматриваемом случае имело место речевое воздействие на адресата, причем положительное, направленное на его благо. Это воздействие охватило как психологическую роль адресата (он поднялся над позицией Ребенка), так и эмоциональную ипостась его Я. Адресант применил тактику "извлечения" из адресата ремарок согласия, которые в рассматриваемой сцене вписываются в общую стратегию установления с адресатом доброжелательного речевого контакта, а вместе с тем и самовыражения – вербализации адресантом своих чувств и эмоций.

Речемыслительное Я медсестры выстраивает ремарки таким образом, как будто они рассчитаны на передачу адресату некоторой новой информации:

– Адресат, свое Я интеллектуальное не располагает информацией о том, что Х. И я тебе передаю информацию о том, что Х.

Однако в рассматриваемой ситуации общения адресат информацией располагает. Поэтому для него получаемые сведения – это как бы псевдоинформация. Но она констатируется³ и при этом оказывается нагруженной рядом дополнительных смысловых напластований (смыслов-следствий):

– Да, небо полно падающих звезд. Да, говорят, что такого никогда раньше не бывало. Да, ты, адресат (физическое лицо), не можешь этого видеть. Да, мне, адресанту (моему эмоциональному Я), это жаль – не менее, но и не более того. Передав тебе эти смыслы, я имею в виду показать (передать тебе и смысл-следствие): все не так плохо, не так страшно, не так трагично, как тебе это сейчас представляется.

Вернемся к анализу ремарки *It's such a pity you can't see it, isn't it?* В составе данной коммуникативной единицы предложение *You can't see it* образует констатацию очевидного для обоих коммуникантов положения вещей, хотя эта констатация, не будучи выражена в отдельном предложении-высказывании, не является самостоятельной. Она подана в контексте эмоциональной оценки (*It's such a pity*), и, таким образом, сам неблагоприятный для адресата факт сообщается не столько его Я интеллектуальному, которое призвано прямо и холодно смотреть фактам в глаза, каковы бы ни были эти факты, сколько Я эмоциональному, которое побуждается пожалеть Я физическое. Переадресовав подачу неблагоприятного факта в рамках структуры личности коммуниканта, говорящий применяет свособразный тактический прием речевого воздействия, который может быть назван камуфлированием неприятности. В рассматриваемом примере интересно и то, что Я речемыслительное говорящего акцентирует не сам прискорбный факт (*you can't see it*), а отношение к нему, причем отношение далеко не трагичное. В результате этот факт оказывается поданным не столь остро для больного, вернее, для его Я эмоционального.

Действенность всей ремарки в целом определяется, в частности, тем, что ее "хвостовая" часть побуждает адресата (речемыслительную составляющую его Я) отозваться и тем самым выйти из состояния угрюмого молчания.

Рассматриваемое предложение-высказывание имеет в качестве одного из исходных смыслов такой:

– Адресат, ты хочешь это видеть.

В нем отражена позиция адресата, учитываемая медсестрой и влияющая на все построение ее речи. Этот исходный смысл присущ и ряду других ее высказываний:

– If only you hadn't those bandages on, you'd have a wonderful view of it from here.

– Если бы только ваши глаза не были забинтованы, вы бы отсюда все отлично видели.

– Still, even if you'd had your bandages off I don't expect they'd have let you watch it.

– Даже если бы и сняли повязку, вам бы сегодня вряд ли разрешили любоваться (фейерверком).

– You'll have to take things gently at first, and some of the flashes are bright.

– Вам сначала нужно будет поберечься, а некоторые вспышки очень яркие.

– What a pity you couldn't see it.

– Какая жалость, что вы не можете этого видеть.

Мысль о том, что адресат хочет видеть зрелище, является одним из стержней всей речи медсестры. Обращаясь к пациенту, сообщая ему о своих мыслях и чувствах, она соотносит содержание и оформление своей речи с тем, что, по ее

³В рамках проводимого исследования констатацию можно описать так: Адресат, твое и мое Я интеллектуальное знают, что Х, и я констатирую: да, имеет место Х, ср. [18].

представлению, волнует адресата, что ему известно или не известно, что адресат хочет услышать или чего он слышать не хочет. Таким образом, мнения, умонастроения и знания адресата, представленные в его Я интеллектуальном, его чувства и желания, отображенные его Я эмоциональным, активно воздействуют на смысл и построение речи медсестры в целом и отдельных ее предложений-высказываний. Следовательно, фактор адресата (по Н.Д. Арутюновой), позиция адресата, как она понимается говорящим, может формулироваться им в своей речи или вплестаться в исходные смыслы высказывания, и в этом проявляется, в частности, взаимодействие Я социального и Я речемыслительного обоих коммуникантов.

Говоря о том, что даже если бы повязку сняли с глаз пациента в тот день, ему не разрешили бы наблюдать вспышки на небе, медсестра подразумевает, конечно же, не только то, что адресат хочет видеть вообще, и видеть зрелище на небе в частности, но и то, что не может быть сомнений в эффективности лечения. Важность этой мысли для Я физического адресата трудно переоценить, и ее передача также не может не содействовать улучшению его настроения, т.е., не влияя на его Я эмоциональное. Медсестра убеждает пациента, что поначалу ему придется быть осторожным, и тем самым она проявляет заботу о его интересах, о его физическом Я. Естественно, что эти сведения, сообщаемые Я интеллектуальному пациенту, отличаются высокой степенью ценности для него и обладают (по крайней мере потенциально) большой силой воздействия.

В некоторых случаях речевое воздействие может быть рассчитано таким образом, чтобы противопоставить друг другу различные стороны личности адресата. Так, в исследуемых далее двух эпизодах из книги М. Кричтона "Человек-терминал" (M. Crichton, *The terminal man*) пациент, имеющий преступные намерения, апеллирует к профессиональной роли адресата как врача. В первом случае пациент, Гэрри Бенсон, заманил доктора Морриса в темный ангар для самолетов и хочет на него напасть, но врачу удается спрятаться. Тогда Бенсон взывает о помощи к доктору Моррису:

– Please, help me, Dr. Morris. – Пожалуйста, помогите мне, доктор Моррис.

В данном примере социальное Я адресата противопоставляется его физическому Я, стремящемуся к самосохранению. Социальная роль врача подразумевает его обязанность помогать страждущим при любых обстоятельствах, и доктор Моррис откликается на призыв больного о помощи в ущерб своей безопасности. Таким образом, тактика, выбранная преступником (ее можно назвать тактикой "противопоставляй и властвуй"), оказалась эффективной.

Во втором эпизоде диалог происходит между тем же Гэрри Бенсоном и доктором Дженет Росс. В руках Росс пистолет. Намерением Бенсона является приблизиться к ней и пистолет отобрать. Тем временем Бенсон должен сказать что-то такое, чтобы Дженет Росс не выстрелила. Бенсон, в частности, напоминает ей, что она – его лечащий врач (*You are my doctor*). Тем самым Бенсон указывает, что врач не должен повредить пациенту ни при каких обстоятельствах. Однако нельзя не заметить, что максима такого типа верна лишь в том случае, когда пациент выступает именно как пациент, а не как лицо с преступными намерениями. Апелляция к Я социальному при данных обстоятельствах оказывается тактикой манипулирования адресатом с целью получить односторонние преимущества. Доктор Росс не попадает на этот маневр и предпринимает шаги к самозащите.

Воздействие на любую ипостась может оказывать значительное влияние на остальные стороны личности адресата. В частности, это имеет место в рассматриваемом ниже примере воздействия при целенаправленном нарушении правил речевого этикета.

Соблюдение или несоблюдение правил речевого этикета, а также их использование для принижения или завышения социального статуса адресата речи

может оказать существенное воздействие на последнего. Показательный пример приводит С.М. Эрвин-Трипп в "Социолингвистических правилах обращения" [19]. Автор цитирует работу А.Ф. Пуссена "Негр-психиатр толкует душу негра":

Сценка на улице в США:

– What's your name, boy? – the policeman asked.

– Dr Poussaint. I'm a physician.

– What's your first name, boy?

– Alvin.

– Как тебя зовут, парень?

– Доктор Пуссен. Я врач.

– Как твое имя, парень?

– Алвин.

Далее приводится описание того, что чувствовал доктор Пуссен: "Сердце мое трепетало, я бормотал в полнейшем унижении... В данную минуту у меня отняли мое мужское достоинство... Никакое самолюбие не могло бы спасти мое чувство собственного достоинства, сохранить мою цельность... Я почувствовал ненависть к себе" [19, с. 225]. Как поясняет Эрвин-Трипп, причиной этого крайнего эмоционального напряжения явилось то, что доктор Пуссен вынужден принять публичное оскорбление, заключающееся в нарушении широко признаваемых и общепринятых правил обращения. Полицейский дает недвусмысленно понять: "Черным не следует претендовать на статус взрослых или профессиональное положение. Вы – дети" [19, с. 230].

Продолжим анализ этого примера с изложенных выше позиций. Стратегической целью первого говорящего (полицейского) в рассматриваемой сценке является подавление адресата и его унижение, что, возможно, придает ему (будем продолжать называть для краткости первого говорящего полицейским) значительность в собственных глазах. Для достижения своей цели полицейский использует тактику нарушения норм речевого этикета, причем такого нарушения, которое воздействует на социальную и психологическую роли адресата, а также на ипостаси его Я.

Предположительно, доктор Пуссен ведет себя как психологический Взрослый. Соответственно, он вправе ожидать, что и другие будут обращаться с ним как с психологическим Взрослым. В рассматриваемой же сценке адресант настойчиво третирует адресата в качестве психологического Ребенка, игнорируя его социальный статус, поскольку доктор Пуссен – цветной. То, что адресату навязывается психологическая роль, в данном случае является агрессией по отношению к нему как к личности, а это, в свою очередь, отрицательно влияет на его эмоциональное Я. Назвав взрослого человека парнем и настаивая на этом обращении, адресант наносит оскорбление прежде всего социальной ипостаси Я адресата. Кроме того, навязываемая доктору Пуссену психологическая роль Ребенка также снижает его социальный статус, что, в свою очередь, затрагивает его социальное Я. Речевое поведение адресанта, третирующего Я социальное адресата и его психологическую роль Взрослого, приводит к нарушению благополучия прежде всего двух ипостасей Я адресата – его Я социального и Я эмоционального. Доктор Пуссен почувствовал оскорбление настолько сильно, что воздействию подверглось и его Я физическое ("сердце мое трепетало"). Воздействию подверглось и его Я речемыслительное ("я бормотал в полнейшем унижении").

Исследование статусных параметров и коммуникативных характеристик социальных и психологических ролей, а также их взаимоотношение между собой и с ипостасями Я общающихся может, как представляется, обнаружить интересные особенности не только механизма речевого воздействия на человека, но и коммуникативного процесса и его единицы – предложения-высказывания.

Прежде чем рассмотреть следующий пример, необходимо заметить, что, как

известно, выступая в некоторой роли (социальной или психологической), человек должен вести себя соответствующим общественно-установленным образом. Но кроме того, он вправе ожидать, что и другие будут вести себя с ним определенным образом, хотя бы в некоторых отношениях. Так, отец рассчитывает, что его отпрыск будет проявлять к нему уважение и соблюдать в своем поведении, и в частности поведении речевом, целый ряд правил. В то же время сам отпрыск может стремиться утвердить свое Я, поступать сообразно своим желаниям и устремлениям, требовать уважения к своей личности, что нередко идет вразрез с ожиданиями и требованиями отца. Возникает характерный конфликт. Примером может служить сцена ссоры в "Ярмарке тщеславия Уильяма Теккерея между Осборном-старшим и сыном Джорджем.

Отец добивается, чтобы сын забыл Амелию Седли, с которой тот помолвлен, причем по настоянию отца же, с юности. Ко времени ссоры отца с сыном отец Амелии разорился и Осборн-старший хочет, чтобы сын женился на мисс Суорц обладательнице большого состояния. Однако Джордж сообщает мисс Суорц в присутствии своего отца, что он любит Амелию. Тем самым он нарушает оба требования отца – забыть Амелию и жениться на мисс Суорц. Когда отец и сын остаются наедине, между ними происходит спор. Его сценарий имеет в качестве своей оси ролевые и статусные характеристики коммуникантов, в то время как предметом спора является перспектива женитьбы Джорджа и решение в этой связи финансовых вопросов.

Разумеется, каждый из спорящих стремится (имеет стратегической целью) отстоять свою позицию, свои интересы и оказать максимальное воздействие на партнера. При этом применяется целый ряд тактических приемов.

Обладая статусом в деловых и финансовых кругах и авторитетом отца и главы семейства в своем доме, Осборн-старший разговаривает с сыном с позиций своего превосходства. Он начинает разговор словами:

– How dare you, sir, mention that person's name before miss Swarts to-day in my drawing-room? I ask you, Sir, how dare you do it?

– Как Вы смели, сэр, упомянуть имя этой особы у меня в гостиной, да еще в присутствии мисс Суорц? Я Вас спрашиваю, сэр, как вы посмели это сделать?

Высказывание отца облечено в форму вопроса, говорящий даже подчеркивает, что спрашивает, как сын осмелился так поступить, да еще на его, отца, собственной территории. Однако слова "я Вас спрашиваю" не делают речь Осборна-старшего просто эксплицитным вопросом – анализируемые два предложения-высказывания передают иллюкативные силы возмущения, упрека и даже запрета, каждая из которых нацеливается на адресата для того, чтобы повлиять на него в определенном направлении. Причем повтор "как Вы смели" призван сделать эти иллюкативные силы еще более действенными.

Следует заметить, что упоминая о развитии сцены в своем доме, отец акцентирует обоснованность своих требований по отношению к сыну и недопустимость неповиновения со стороны последнего. Исходным смыслом слов "у меня в гостиной" является представление о том, что имущественная зависимость адресата от говорящего придает словам больший вес по сравнению с теми случаями, когда такой зависимости не наблюдается. Предположительно, если бы сцена разыгрывалась в доме сына, то отец не имел бы столь же "незыблемых" оснований для выражения своих требований и эмоций.

Рассматриваемое высказывание отца произносится психологическим Родителем, отчитывающим своего отпрыска. Являясь отцом и полновластным хозяином семейных финансов, Осборн-старший полагает себя вправе ожидать от сына повиновения. Непокорность Джорджа сердит его, и он проявляет свой гнев в полной мере. Гневаясь же, он дает волю своему Ребенку, в то время как рассудительный Взрослый спокойно выяснил бы причины неповиновения Джорджа и, возможно, добился бы своего. Когда Осборн-старший уступает своему психологи-

ческому Ребенку, его позиция Родителя фактически ослабляется, и, чтобы компенсировать это обстоятельство, он продолжает нанизывать упреки, адресованные Я социальному сыну, а также и Я эмоциональному, которое призвано откликаться на родительские слова.

Обе психологические позиции (Родителя и Ребенка), в которых выступает отец, призваны оказать на Джорджа свое специфическое воздействие. Когда отец встает в позицию Родителя, то он, вольно или невольно, навязывает сыну роль зависимого от него Ребенка. Когда же Родитель уступает своему Ребенку, последний воздействует на адресата своими бурными эмоциями. В рассматриваемом случае устами Ребенка глаголет Я эмоциональное (психологическое) Осборна-старшего. Именно Я эмоциональное понуждает Я речемыслительное сделать повтор: как Вы смели. В свою очередь, и речемыслительное Я напрямую заявляет о своем существовании ("*Я Вас спрашиваю*"), но подчиняется опять-таки Я эмоциональному, которое демонстрирует свое негодование.

Поскольку слова отца – это не вопрос, постольку ответом на них не может служить пояснение того, к а к именно Джордж осмеливается упоминать имя Амелии в присутствии другой девушки. Ответ в таком духе был бы вызовом отцу. В качестве ответа отец ожидает, в конечном итоге, добиться повиновения сына. Однако Джордж реагирует не на скрытый смысл слов отца, равносильный требованию, а на словесное наполнение его речи и говорит:

– Stop, Sir, don't say 'dare', sir.

– Остановитесь, сэр, не произносите "как Вы смели", сэр.

Игнорируя требование, передаваемое обращенным к нему высказыванием отца, Джордж уже тем самым это требование отвергает, что является вызовом. Вызовом является и то, что Джордж выговаривает отцу за слово *dare*. От Джорджа-сына ожидается, что он не посмеет возражать против речевых формул, употребляемых отцом. Противоположностью Джорджа рассчитано на то, чтобы оказать на отца вполне определенное воздействие. Причем в данном случае воздействие адресуется в первую очередь речемыслительной составляющей Я Джорджа.

Вслед за этим Осборн-младший делает попытку закрепить мысль о том, что он выступает не в роли сына: Джордж поясняет, что такие слова, как *dare*, не могут адресоваться капитану британской армии:

– 'Dare' isn't a word to be used to a Captain in the British Army.

Говоря о том, что он капитан, Джордж использует в качестве приема речевого воздействия аргументацию, основывающуюся на статусных параметрах своей социальной роли. Джордж дает понять, что отец своими речевыми действиями задевает его статус. Тем самым Джордж обращается к Я речемыслительному отцу и указывает ему на то, что оно, это Я, нарушает правила речевого поведения по отношению к Я социальному Джорджа.

Вернемся к ремарке *Stop, sir, don't say 'dare', sir*. В этом предложении-высказывании социальное (и речемыслительное) Я Осборна-младшего делает акцент на употреблении вежливого обращения к отцу: "сэр". Очевидно, повторное обращение должно было бы символизировать наибольшую степень вежливости. На самом деле это повторение отражает скорее нарастающую степень протеста и негативных эмоций. Можно сказать, что повтор символизирует борьбу Я социального с Я психологическим Джорджа, причем Я психологическое энергично стремится пробиться в поверхностную структуру предложения-высказывания и продемонстрировать при этом свое негодование. Подавляя свое эмоциональное Я и говоря от имени своего Я социального, Джордж предстает как психологический Взрослый, однако не эта роль определяет существо его речевого поведения. Джордж бунтует против уготованной ему позиции вечно зависимого психологического Ребенка и социального дитяти и стремится утвердить свой социальный статус капитана армии и джентльмена. При этом он сердится, упи-

рается и спорит, доказывая, что он взрослый. Если бы он действовал с позиции Взрослого, Джордж обсудил бы ситуацию с отцом без гнева и раздражения, он разъяснил бы, почему не хочет жениться на мисс Суорц, и разъяснил бы разумно. Впрочем, это не так просто сделать, особенно если адресат – психологический Глухарь, который слышит только свою собственную песню.

Отец отвечает:

– I shall say what I like to my son.

– Я буду говорить своему сыну то, что захочу.

Он настаивает:

– I w i l l say what I like to my son.

– Нравится вам это или нет, я буду говорить своему сыну то, что захочу.

Отнюдь не случайно Осборн-старший употребляет в своей речи слово *сын*.

Это напоминание признано воздействовать на Джорджа в том плане, чтобы он исполнял свои сыновние обязанности, которые вытекают из социальной роли сына. Отец подкрепляет свои слова указанием на то, что финансы в его руках и он может оставить сына без гроша в кармане. Подобная угроза имеет прямое следствие для Я физического адресата, которое, в случае ее выполнения, может попасть в весьма неблагоприятные условия.

В ответ Джордж признает правомерность напоминания о том, что он остается сыном, но противопоставляет роли сына свой статус джентльмена:

– I'm a gentleman though I a m your son, sir.

– Я джентльмен, хотя и ваш сын, сэр.

Таким образом, он выступает в споре не только как сын, и уже тем самым напоминание отца о его сыновнем долге оказывается битым. В рамках анализируемой проблематики интересно отметить, что речемыслительное Я говорящего противопоставляет социальные роли сына и джентльмена, чтобы понудить Я речемыслительное (и Я социальное) адресата соблюдать те этикетные правила, которые охватывают взаимодействие с персоной, наделенной статусом джентльмена. А из этого, как можно предположить, вытекает требование более уважительного обращения с Джорджем, чем если бы он был наделен одним только статусом сына.

Затем Джордж высказывает "открытым текстом" свое настояние, чтобы отец облакал речь в формы, которые он, Джордж, привык слышать в своей роли джентльмена:

– Any communication which you have to make to me, or any orders which you may please to give, I beg may be couched in that kind of language which I am accustomed to hear.

– Всякого рода сообщения, которые вы имеете мне сделать, или приказания, какие вам угодно будет мне отдать, я попросил бы излагать таким языком, к которому я привык.

Итак, отвергнув естественно о ж и д а н и е отца, что сын будет выступать в предписанной ему роли, отвергнув затем н а с т о я н и е отца, чтобы он выступал в роли сына, молодой человек указывает отцу на то, что является джентльменом. Таким образом, статус джентльмена оказывается как бы выше статуса сына, и это обстоятельство фигурирует как основание для того, чтобы потребовать от отца не говорить "как Вы смели". Этот вызов усугубляется еще и тем обстоятельством, что Осборн-старший не является джентльменом в той же степени, что и его сын. (Отец создал для сына необходимые условия, которых сам он был лишен в свое время, и сын стал джентльменом, поднявшись выше своего отца.) Следовательно, Я социальное Осборна-старшего оказывается менее весомым, чем Я социальное Осборна-младшего. Нельзя, впрочем, не заметить, что такое развитие спора приводит к нарушению правила долга. Согласно ему, то, что человек является отцом (или матерью) перевешивает все остальные факторы и уж тем более статусные характеристики какой-либо социальной роли.

Нарушение правила долга, да еще столь явное, выводит в поверхностную структуру спора еще одну ось – нравственную. Отец напоминает:

– My father didn't give me the education you have had, nor the advantages you have had, nor the money you have had.

– Мой отец не дал мне образования, какое получили Вы, он не предоставил мне ни тех преимуществ, какие имели у Вас, ни тех денежных средств, какими располагаете Вы.

Таким образом, если Я социальное говорящего и уступает в весе Я социальному адресата, то сын оказывается призванным относиться к отцу с тем большим почтением. Затем Осборн-старший подчеркивает, что в его время джентльмен не оскорблял отца (*But it wasn't considered the part of a gentleman, in my time, for a man to insult his father.*) Безусловно, это противопоставление времен подразумевает и противопоставление нравов, которые, по мнению отцов, раньше были лучше. В то старое, доброе время роль джентльмена не подразумевала возможности оскорбительного отношения к родителям. Тем самым Осборн-старший снимает введенное Джорджем противопоставление ролей сына и джентльмена. Характеризуя само это противопоставление как следствие дурных нравов, свойственных новому времени, говорящий призывает Я социальное адресата изменить свою позицию и вести себя подобающим образом.

Осборн-младший не опровергает высказанную мысль. Он отвергает слова отца о том, что он, Джордж, его оскорбил (*I never insulted you, sir*), и поясняет:

– I said I begged you to remember your son was a gentleman as well as yourself.

– Я сказал, что прошу Вас помнить, что ваш сын такой же джентльмен, как и Вы сами.

Здесь впервые за время ссоры Джордж уравнивает свою позицию как сына и позицию своего отца: они оба являются джентльменами, а значит, и их Я социальные имеют тождественный статус, хотя бы в этой роли, в роли джентльменов. А раз так, то и Я социальное адресата (отца) оказывается призванным относиться к Я социальному адресанта как к своей равне.

Затем Джордж признает справедливость одного из высказанных отцом положений ("Я знаю очень хорошо, что Вы дадите мне кучу денег"), но лишь затем, чтобы нанести следующий удар ("Вы упоминаете об этом довольно часто, сэр. Незачем опасаться, что я это забуду!") Это дает основание Осборну-старшему снова подчеркнуть свое превосходство и командные позиции:

– I'm the master.

– Я хозяин.

Вслед за этим разгорается спор по поводу истории взаимоотношений Джорджа и Амелии Седли.

Весьма предварительно здесь могут быть сформулированы некоторые из тактических приемов оказания воздействия на адресата, примененные в рассматриваемом диалоге:

– повтор ("как Вы смели"; "я Вас спрашиваю, сэр");

– игнорирование части мысли, сформулированной в речи говорящего;

– атака на речевые формы и передаваемые ими смыслы;

– игра на различии социальных ролей с их различающимися статусными характеристиками: воздействие на адресата через посредство указания на его подчиненный или менее весомый социальный статус; воздействие путем акцентирования прав и обязанностей определенной социальной роли (сын – джентльмен); воздействие путем отождествления социальных ролей (мы оба джентльмены) как стимул адресату признать равные права партнера по коммуникации; опора на различие имущественного положения коммуникантов как средство подкрепить весомость своего статуса; указание на свою роль хозяина и распорядителя;

– опора на факт протекания общения на территории говорящего;

– игра на разнице психологических ролей: оказание давления на Я психологическое адресата посредством постановки его в зависимую роль психологического Ребенка;

– совмещение позиции Родителя (наделенного, по природе и установлению, правом указывать Детям как им себя вести и требовать от Детей выполнения действий, которые, как считает Родитель, будут содействовать их благу) с позицией Ребенка, который то грозит адресату новыми выходками, если его желания не будут удовлетворены беспрекословно и немедленно, то обрушивает на адресата безудержный гнев, причем устами авторитетного Родителя.

Подытоживая сказанное, можно заключить, что речевое воздействие являет собой многомерный фактор коммуникации, и его исследование и описание может производиться с позиций лингвистики общения с привлечением понятий множественности личности коммуниканта, стратегии и тактики речевого общения, ролей (психологических и социальных), исходного смысла и смысла-следствия.

Реализация изложенного подхода позволяет углубить и расширить толкование смысла и функционирования предложения-высказывания. А это, в свою очередь, позволяет приблизиться к выявлению моделей человеческого общения. Однако в настоящее время мы можем лишь постулировать существование подобных моделей, само же их описание – это задача будущих разысканий.

Как представляется, модели человеческого общения могут исследоваться с позиций различных наук: логики, философии, социологии, психологии, психиатрии, истории культуры, филологии. Лингвистика общения стремится к интеграции этих отраслей человеческого знания в тех их частях, которые наиболее близки к проблемам толкования смысла языковых выражений и интерпретации коммуникативного процесса. Таким образом, одной из целей лингвистики общения является вычленение основополагающих принципов, а также необходимых, но недостаточных факторов, при помощи которых можно было бы анализировать человеческое общение, манифестирующееся в предложении-высказывании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Леонтьев А.Н.* Некоторые психологические вопросы воздействия на личность // Проблемы научного коммунизма. Вып. 2. М., 1968.
2. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М., 1980.
3. *Шерток Л., Соссюр Р.де.* Рождение психоаналитика. От Месмера до Фрейда. М., 1991.
4. *Стриженко А.А.* Роль языка в системе средств пропаганды. Томск, 1980.
5. *McQuade D., Atwan R.* Popular writing in America. The interaction of style and audience. N.Y., 1974.
6. *Richmond V.P., McCroskey J.C., Kearney P., Plax T.G.* Power in the classroom // Communication education. 1987. V. 36. N 1.
7. *Головин Б.Н.* Основы культуры речи. М., 1980.
8. *Гальперин И.Р.* Очерки по стилистике английского языка. М., 1958.
9. Античные риторика / Под ред. Тахо-Годи А.А. М., 1978.
10. Speech act theory and pragmatics / Ed. by Searle J.R., Kiefer F., Bierwisch M. Dordrecht, 1980.
11. *Булыгина Т.В.* О границах и содержании прагматики // ИАН СЛЯ. 1981. № 4.
12. *Тарасова И.П.* Смысл предложения-высказывания и коммуникация: Автореф. дис... докт. филол. наук. М., 1992.
13. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. М., 1988.
14. *Тарасова И.П.* Структура смысла и структура личности коммуниканта // ВЯ. 1992. № 4.
15. *Katz J.J.* On defining "presupposition" // Linguistic inquiry. 1973. V. IV. N 2.
16. *Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.* A grammar of contemporary English. L., 1972.
17. *Дејк Т. ван.* Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII: Лингвистика текста. 1978.
18. *Кондаков Н.И.* Логический словарь-справочник. М., 1975.
19. *Ervin-Tripp S.M.* Sociolinguistic rules of address // Sociolinguistics. Selected readings / Ed. by Pride J.B. and Holmes J. Harmondsworth, 1972.